DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

| Интерпретации понятия «майя», буддизма и дихотомии «Восток-Запад» в творчестве Максимилиана Волошина |

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
197046, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, 26
Доцент кафедры философской антропологии и истории философии, Институт философии человека
Кандидат философских наук, доцент
ORCID 0000-0001-5263-2526
E-mail: sarpa68@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «МАЙЯ», БУДДИЗМА И ДИХОТОМИИ «ВОСТОК-ЗАПАД» В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА*

Данная статья представляет собой продолжение темы, представленной в статье «“Это очень интересно”: рецепция и интерпретация индийских образов и идей в творчестве Максимилиана Волошина, опубликованной в «Международном журнале исследований культуры». В ней развивается тема восприятия поэтом Максимилианом Волошиным индийского понятия майи, буддизма, нирваны, отношений между Востоком и Западом, а также места России в этих отношениях. В своем представлении о майе поэт сплетает идеи различных культурных и религиозных традиций в сложный поток ассоциаций. В стихотворении «Гностический гимн Деве Марии» (1907) Индия становится частью мистического стихотворного пространства. Майя понимается им как «греза Божества», как темный мир материи, преодоление которой есть ее просветление. Тема майи имеет и личный характер для Волошина: поэт обыгрывает понятие майи в связи с именем своей знакомой, Майи Кювилье. Поэт предлагает различные способы преодоления майи или же смирения перед ее силой. В другом разделе статьи анализируется отношение поэта к буддизму. Волошин был знаком с тибетским послом Агваном Доржиевым, планировал отправиться в Сибирь для знакомства с бурятским буддизмом. В буддизме поэту импонирует пафос созерцательности, ненасилие, сострадательность, отказ от миссионерства. Волошин понимает нирвану как рай, «напряжение воли», а также как «слияние с миром». В следующем разделе статьи рассматривается тема «Восток и Запад». Интерес к Востоку зародился у поэта в детстве. Впоследствии в его творчестве выработались несколько взаимосвязанных аспектов понимания Востока: 1) мудрость, познание, нравственность, сострадание; 2) древняя и живая культура; 3) утраченная западом родина, «рай»; 4) опасный и грозный судия; 5) сон, греза, нечто созерцательное. Россия занимает срединное, балансирующее положение между Западом и Востоком, «страж» между ними, а также их «ребенок». Восток может быть и опасен для России («монголы»), но в то же время и конструктивен для ее будущего.

Ключевые слова: Волошин, Индия, Восток, Запад, Россия, майя, материя, буддизм, Будда, нирвана.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01093, https://rscf.ru/project/23-28-01093/

Представление о майе в творчестве М. Волошина

Волошин любит играть словами, связывая разные миры, культуры и эпохи. Индии в этой игре-перекличке тоже находится место. Например, в его известном «Гностическом гимне Деве Марии» (1907) прославляется Богоматерь, у которой есть «крестные тайны во тьме естества», которая приняла «Бога на крест»[1]. Но

[1] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Куп-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

для Волошина это не только и не столько почитаемая всеми христианами мать Богочеловека. Играя с созвучиями, он указывает, что Мария – это стихийная материальная сила, это «море безмерное, Amor-Maria», и в ее «ритме вскрывается тайна глубинная». Сразу после выражения «Amor-Maria», «Мария-любовь», используется фраза «звезда над морями», и она же упоминается в связи с богиней любви Афродитой. Эта отсылка к греческой мифологии не единственная: автор ассоциирует с Марией также и Майю, одну из сестер-Плеяд, мать бога Гермеса. Цепь ассоциаций, которую искусно ткет поэт, захватывает и индийские темы. Ведь «майя» – это еще и важное понятие индийской философии, космическая иллюзия, поэтому волошинская Мария-иллюзия – это «дремная греза отца Парабрамы», «греза из грезы», «марево», в то же время это еще и «Мулапракрити», буквально «коренная природа», материал, из которого создан весь мир – этот «покров Божества». Не забыл Волошин и провести связь с буддизмом, ведь мать Будды также звали Майей. А Будда «в областях звездных над миром царит»[2]. Так Индия становится частью густо насыщенного смыслами мистического стихотворного пространства, культурно и метафизически сопрягаясь с греческой и христианской традициями, участвуя в симфонии духовного и природного. Автор старается уловить в Индии нечто родственное, то, что связывает ее с культурными мирами, географически лежащими западнее ее. В письме М. Сабашниковой от 12 ноября 1906 г. Волошин отмечает, что, когда он прочел это стихотворение их общей подруге А. Р. Минцловой, оно произвело «на нее страшное впечатление. Она говорит, что оно совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров, известной только посвященным, которая начинается призывом – “Майа”»[3].

Волошин прекрасно знает различные оттенки в понятии майи, знает и то, что она персонифицирована в индийской мифологии. Так, в письме Рене Гилю в октябре 1913 г. он пишет, что Майя – это «богиня, олицетворяющая всеобщее заблуждение»[4].

Поэт обращается к теме майи также в своей работе «Пути Эроса» (1907), написанной по следам одноименной лекции. Весьма вольно интерпретируя «Тимей» Платона, он пишет, что «вся видимая природа – это распятый в материи бог». Волошин приводит цитату из стихотворения Вяч. Иванова («И не Земля, – дети, вам мать – Голгофа, / С оного дня как распят Он, – / С оного дня, как Немезидой Неба / Распят по мне великий Пан»), утверждая, что ее можно понять «глубже, если применить их к образам индусской философии»[5]. Привлекая эти «образы», Волошин пишет, что «мир – это греза Божества – Майя. Понятия Майя и материя тождественны. То, что греза для бога, для человека – материя»[6]. «Луч Божества» нисходит в мате-

ченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 86–87.

[2] Там же. С. 87.

[3] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1906–1924 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2015. – С. 145.

[4] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 779.

[5] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 212.

[6] Там же. С. 212.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

рию, в природу, окончательно угасает где-то на дне. А потом идет обратное восхождение, с просветлением материи, происходит возвращение к божественному первоистоку. Эти процессы, инволюция и эволюция, по мнению Волошина, происходят одновременно. «Крест символизирует этот процесс инволюции как распятие мировой души на кресте мирового тела»[7], пишет он и для поддержки цитирует гимн «Ригведы» (X. 129), в котором говорится о Едином начале и царящей вокруг глубокой тьме; этот гимн он трактует по-теософски[8]. Таким образом, «преодоление майи» оказывается ее просветлением, пробуждением. Тем не менее, как считает Е. Леоненко, в «интермедиальном» по своей сути, эклектичном творчестве Волошина духовная и материальная сферы не противоречат друг другу, и улавливает «присутствие материи и особый аспект “осязаемости” в поэтическом и визуальном творчестве Волошина»[9].

В статье «Пути Эроса» Волошин проводит отождествление Христа и Эроса. Христос, по его словам, изображался у катакомбных христиан в виде Эроса, который ведет за руку душу, Психею. Автор снова играет словами: «В имени Марии скрыто символическое созвучие. Оно созвучно понятию Мара – иллюзия, Майя – праматерь, материя, Amor – любовь, море – образ Хаоса, источник всего сущего. Христос – сын Всемирной Майи. Майей звали мать Будды. Майей звали мать Гермеса – бога сумерек, бога познания, который сдергивает голубое покрывало дня с ночных звезд»[10]. В своей более поздней и неопубликованной рукописи «Искусство и море» (1921) Волошин устраивает тонкую звуковую и смысловую перекличку понятий: «море – MARE – марево – майя – матерь – материя – Мария»[11].

Раз за разом Волошин связывает страдания человеческие с темой майи. Человеческое повторяет путь божественного. При этом движение человека в материи-майе «овнешняет» его чувства, как бы выворачивая их наизнанку. Он пишет в своих набросках: «Крестное нисхождение человека в глубь материи происходит так же, как и крестное нисхождение божества. Все, что он чувствовал внутри себя, – становится вне его. Внешний мир – Майа, материя, постигается им как его собственная иллюзия»[12].

Путь Эроса есть путь восхождения. Волошин в статье «Путь Эроса» приводит «индусскую притчу», в которой говорится о том, что бог Брахма предлагает святому сделать выбор: либо шесть воплощений святым, либо два воплощения демоном – и святой выбирает демонические воплощения[13]. Поразительно «тантрически» звучит наставление поэта: хотя путь порока «труднее, мучительнее и страшнее, он более быстро и прямо ведет к конечной цели и к слиянию с Божеством»[14], и чем дальше, тем все увереннее освобождается Эрос от похоти.

[7] Там же. С. 213.

[8] Там же. – С. 214. Ср.: «Не было не-сущего, и не было сущего тогда, / Не было ни воздуха, ни небосвода за его пределами <…> Не было ни смерти, ни бессмертия тогда, / Не было ни признака дня [или] ночи <…> / Мрак был сокрыт мраком в начале. / Неразличимая пучина – все это». – Ригведа. Мандалы IX – X / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999. – X. 129.

[9] Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – P. 59.

[10] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 232.

[11] Там же. С. 736.

[12] Там же. С. 830.

[13] Там же. С. 227.

[14] Там же. С. 227.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

| Интерпретации понятия «майя», буддизма и дихотомии «Восток-Запад» в творчестве Максимилиана Волошина |

Как отмечают издатели собрания сочинений Волошина, в лекции «Пути Эроса» пересеклись «две сферы исканий и интересов, доминировавших во внутреннем мире Волошина в 1905–1907 – оккультно-теософская, стимулированная общением с М. В. Сабашниковой и А. Р. Минцловой, и <…> “башенно-симпозиональная”, вдохновленная темами интеллектуальных дискуссий и жизнетворческих экспериментов, проходивших на “башне” Вячеслава Иванова»[15]. И обе они так или иначе связаны с представлением о майе. Если следовать этой идее издателей, тогда «оккультно-теософская» трактовка майи Волошиным заключается в ее иллюзорном, «грезящем» характере, в то время как «башенно-симпозиональная» – это представление о ней как о материальном, природном, инертном, темном начале, нуждающемся в пробуждении.

Майя – это также тягучее, монотонное движение времени, своего рода «день сурка», который развертывается с беспощадной регулярностью и повторяемостью. Находясь в Париже летом 1905 г., он пишет стих: «С грустью принимаю / Тягу древних змей – / Медленную майю / Торопливых дней»[16]. Несколько раньше он писал о «медленной майе русской жизни» в статье «Творчество М. Якунчиковой» (1905). Волошин заявляет, что майя – «обман рдяного человеческого дыхания, обманы воспаленных слов»[17].

Тема майи приобретает для поэта и личный характер. Одной из его знакомых была Мария (Майя) Кювилье (1895–1985), которой он посвящал свои стихи и которая была в него какое-то время влюблена. Несомненно, поэт не мог пройти мимо искушения соединить имя этой дамы с космической иллюзией. В стихотворении «Над головою подымая…», написанном в Коктебеле в 1913 г., он прямо связывает имя Кювилье с этим важным индийским понятием: «Пришла и смотрит ... / Кто ты? / – Майя. / Благословляю твой приход. / В твоих глазах безумство. Имя / Звучит, как мира вечный сон ... / Я наважденьями твоими / И зноем солнца ослеплен… / <…> Кто ты? Дитя? Царевна? Паж / Такой тебя я принимаю – / Земли полуденный мираж, / Иллюзию, обманность… – Майю»[18]. Жаркий летний день в Крыму, туманящий сознание и порождающий фантомы, причудливо переплетается с метафизическим мировым «сном», «обманом» и наваждением, и эта взаимосвязь символически воплощена в образе конкретной женщины.

Как же относиться к майе, какую позицию занять? Поэт предлагает два вида таких отношений, в зависимости от того, как понимается им майя. Первый из них, редко встречающийся у Волошина, состоит в том, чтобы смириться с майей. При таком подходе майя – это «цепь жизни», «тяга всего человеческого» – страдания, любви, чувственности, рамок, цепей; здесь майю надо признать, смириться с ней[19]. В письме М. Сабашниковой 10 сентября 1905 г. он пишет: «Тебе надо носить свои оковы, но помнить каждый миг, что ты свободна, что ты сама надела их. Мне нужно надеть их и не протестовать против них, как я делал до сих пор»[20].

[15] Там же. С. 825.

[16] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 63.

[17] Там же. С. 455.

[18] Там же. С. 187, 497.

[19] Там же. С. 455.

[20] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Однако куда чаще непокорный поэт призывает «преодолеть» майю. Выше уже говорилось о важности «просветления» майи через восходящее движение от материи к духу посредством самопознания. Но есть и иные способы «преодоления», включая поэтично-экстравагантные: так, он пишет любимой 23 июля 1905 г., что им надо увидеться среди вечных льдов, посмотреть друг другу в глаза, и именно так можно «победить майю»[21]. Или же он призывает стать детьми, вернуться в детство (стихотворение «Пройдемте по миру как дети…»): ведь майя является внешним, поверхностным миром, который противопоставлен сокровенному, истинному миру, открывающемуся в младенчестве[22].

Еще один способ ее «преодоления» – обращение в прошлое. В своем дневнике 9 августа 1904 г. он замечает: «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход – в прошлое. Завесу будущего нам заказано подымать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т. е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь. Иллюзия возможности действия. Майа. В будущее можно проникать только желанием. Для человечества воспоминание – всё. Это единственная дверь в бесконечность. Наш дух всегда должен идти обратным ходом по отношению к жизни»[23]. Обращаясь вспять, припадая к собственным корням, человек идет как бы спиной по движению времени в будущее, чтобы никогда не утрачивать связь с прошлым и надеяться на осуществление своих желаний, рожденных когда-то давно.

А можно и вообще не предпринимать каких-то особых усилий и просто подождать, когда майя станет настолько слабой, что «разорвать» ее не составит никакого труда. Поэт замечает в одном из писем к любимой (19–20 октября 1905 г.): «Да, надо, чтобы покрывало Майи сначала продырявилось: износилось само. А делать в нем искусственные дырки логическими ножницами – это преступно. У нас обоих в нем есть уже дырки, и немало. Пальцы очень часто проскальзывают сквозь них…. Верно, в прошлой жизни мы много прошли уже… Мне кажется, что мы теперь же, еще до смерти, совсем сбросим его»[24]. «Покрывало Майи» – символ нашего обманчивого мира, «дырки» же в нем – это попытка прорыва сквозь него, выход к новым измерениям и свободе. Словно забыв о том, что он воплотился впервые (см. выше), поэт верит, что им уже накоплен большой опыт в «прежних жизнях», вероятно, опыт самопознания и страдания, и именно этот опыт, а не рационалистические ухищрения, поможет «разорвать покров».

Пожалуй, самый необычный способ «преодолеть» майю – это … спрятаться в майе же. Волошин пишет М. Сабашниковой, вспоминая некоторые эпизоды их общения друг с другом: «И почему-то “Покрывало Майи” мне теперь все представляется твоей чадрой “всех Осеней”. А когда я пишу “непротивление жизни”, я вижу нас в лесу около опушки поляны, город внизу, кусок озера, рыжую лисицу и чер-

Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 396.

[21] Там же. С. 285.

[22] Там же. С. 17–18.

[23] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 162.

[24] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 610–611.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

нокрасные листья за твоей головой. Окружи наши головы своей дырявой Майей всех Осеней… сейчас мне больше ничего не надо, а сквозь редкую ткань мы будем глядеть на небо»[25]. И также в другом письме: «В этом есть какая-то сиротливость холодного вечера ... Хочется теснее прижаться друг к другу. Это сиротливость, а не жалость ... Это “старая и милая дырявая Майа”… Осенняя Майа мира»[26]. Вселенский морок, космическая фантасмагория превращается здесь в милый, уютный, домашний уголок, в котором поэт прячется от холода окружающего мира вместе с возлюбленной. Он как бы старается укрыться от одной майи в другой.

Образ Будды и буддизм в творчестве М. Волошина

Понятие майи разрабатывалось различными школами индийской философии. Было оно известно и в буддизме; более того, по всей вероятности, именно в буддизме оно приобрело свой знаменитый оттенок «иллюзорности». В бурный период своих духовных исканий начала XX столетия Волошин какое-то непродолжительное время был увлечен этим восточными направлением. Он планировал отправиться в Японию в 1903 г., чтобы получше его изучить. Об этих намерениях Волошина говорилось во введении к предыдущей статье. Хотя буддизм, разумеется, явление не только индийское, – это мировая религиозная традиция, – тем не менее для Волошина разделение буддизма на отдельные направления было несущественным.

Одно из самых ранних упоминаний буддийской тематики Волошиным встречается в его статье «В защиту Гауптмана» (1900), где он подвергает разгрому неудачные, по его мнению, переводы К. Бальмонтом драматических произведений Г. Гауптмана. В этой связи им приводится «буддийская притча» о слоне, которого ощупывали слепые[27]. Из контекста изложения становится ясно, что Волошин считает Бальмонта таким вот слепцом, который не смог передать всю художественную глубину немецкого драматурга. Интересно, что через два года после этого инцидента, в сентябре 1902 г., Волошин лично знакомится с Бальмонтом, они становятся на долгие годы друзьями... В одной из своих автобиографий поэт среди прочего отмечает влияние К. Бальмонта на свое творчество[28]. Это дружеское общение важно для нас еще и потому, что сам Бальмонт был очень увлечен индийскими мотивами, переводил индийских авторов, поэтому тема Индии так или иначе регулярно возникала в процессе их дружеского общения. Более того, они даже собирались вместе посетить эту южную страну, но этот вояж не состоялся.

Впервые же встреча молодого Волошина с живым буддистом (да еще с каким!), по всей видимости, произошла в Париже в октябре 1902 г. Находясь в гостях у А. А. Гольштейн, «буддистки по религиозным взглядам», он знакомится с известным деятелем тибетского буддизма Агваном Доржиевым (1853–1938) и беседует с ним. В то время буддизм был «популярен

[25] Там же. С. 611, 612.

[26] Там же. С. 659.

[27] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 277.

[28] Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 213.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

в крупных европейских городах: Лондоне, Берлине, Вене, Риме и особенно в Париже»[29]. В письме Я. Глотову от 9 октября 1902 г. Волошин сообщает о Доржиеве: «Воспитатель теперешнего Далай-Ламы, тибетский посол, не имеющий понятия о европейцах, «один из глав буддизма и сверх того святой»[30]. В разговоре с Доржиевым Волошин среди прочего почерпнул взгляд на то, что «в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением как насилие над личностью»[31]. Иными словами, буддизм не занимается никаким миссионерством и как бы пассивно пребывает сам в себе. Это, безусловно, ошибочный взгляд (без такой «пропаганды идей» как буддизм смог бы настолько широко распространиться по всему миру?); тем не менее он нужен Волошину для оправдания своего отхода от христианской церкви. В глазах поэта антимиссионерский пафос буддизма выгодно отличает это учение от христианства. В письме М. Сабашниковой от 4 октября 1905 г. он пишет о том, что ему не близко христианство, а ближе «буддизм и Олимп». Причем буддизм ему ближе потому, что он «дает чувство тайны, а не Бога»[32]. Такой «тайны» поэту явно недостает в христианстве.

Будда воспринимается им как очень спокойный, гармоничный, миролюбивый и при этом сострадательный человек, несколько печальный из-за осознания страданий человечества. «И высоко, за пределами неба, вырастает строгое, грустное и неподвижное лицо Будды – познавшего. “Я был во всех школах, я слушал всех мудрецов и, наконец, я стал Буддой”»[33]. Это идеальный для мировоззрения Волошина образ человека, вышедшего сквозь страдания мира к свету истины.

Обращаясь в своем творчестве к буддизму, к образу Будды, Волошин остается верен себе: пытается нащупать некое созвучие западным и российским реалиям, найти точки соответствия между Востоком и Западом. Поэт продолжает сопрягать миры и эпохи, брать для себя ценное и полезное отовсюду. Он ссылается на Шопенгауэра, который держал в своей комнате изображение Будды «для напоминания о том, что нет в мире богатства иного, чем отказ от богатства»[34].

При этом Волошин может поступать как минимум двояко, соотнося буддизм и «небуддизм»: либо находить что-нибудь «буддийское» в западном или российском объекте, либо, напротив, улавливать нечто западное и российское в буддийском образе. В первом случае, например, он замечает «буддийский, тибетский характер» в рериховском изображении Богоматери в селе Талашкино[35]. Во втором он старается творчески переосмыслить буддийские идеи, образы, мотивы, внося в них некий западный

[29] Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 80.

[30] Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – С. 758.

[31] Там же. С. 762.

[32] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 530.

[33] Там же. С. 66.

[34] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 1. О Репине. Суриков // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 3. – М.: Эллис Лак, 2005. – С. 31.

[35] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 397.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

колорит. Так, нирвану он отождествляет с раем, но не только: Андрей Белый упрекает его за представление нирваны как «высшее напряжение воли»[36]. Кроме того, Волошин также сравнивает «индивидуалиста, достигающего высшей точки и слившегося с душой народа, с личностью, которая достигает предельной высоты и сливается с миром, уходит в нирвану»[37]. Ни рай, ни «напряжение воли», ни «слияние с миром» не являются аутентичными представлениями буддийской нирваны – понятия, которое в принципе с огромным трудом понималось (если вообще понималось) в западной и российской культуре, и Волошин здесь не выбивается из общей тенденции; впрочем, он решает здесь свои философско-поэтические задачи, как и во многих иных случаях обращения к индийской тематике, и, конечно, не стремится добиться какой-то научной точности. Он ткет сложную «паутину» взаимосвязей культур и эпох, играет смыслами и созвучиями, переходя на уровень «транскультуры», если воспользоваться терминологией А. М. Алексеева-Апраксина[38].

В контексте буддийской темы очень интересный разговор состоялся у Волошина с поэтом Вячеславом Ивановым 10 августа 1904 г. в Женеве. Во время беседы Волошин заявил, что ищет в стихе «равновесие», в ответ Иванов безапелляционно бросил: «Вы буддист, вы нам чужды», и спросил, хочет ли тот воздействовать на природу. Буддизм Иванову не нравится: это-де религия «усталого спокойствия». Волошин ответил: «Нет, я только впитываю ее в себя, радуясь всему, что она посылает». После же того, как Волошин сказал, что основой жизни считает пол, а под искусством понимает развитие пола, Иванов резко сменил характеристику и воскликнул: «Вы не буддист. В буддизме нет трагедии»[39]. И в самом деле, жизнерадостный по своей натуре (по крайней мере до 1917 г.) Волошин мало похож на буддиста. Для него вся жизнь – радость, и даже страдание он называет радостью; это резко отличается от буддийского (особенно раннебуддийского) взгляда на жизнь, проникнутого пессимизмом; напротив, радость, согласно буддизму, есть часть страдания. И все же в отношении к милосердию, стремлению подняться над конфликтами, не участвовать в насилии никаким образом волошинские представления могут быть созвучными и буддийскому состраданию[40].

[36] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 170.

[37] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 45.

[38] Алексеев-Апраксин, А.М. Перспективы сетевой парадигмы в изучении транскультурных процессов // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – Выпуск #4 (33). – С. 6–19.

[39] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 164.

[40] А.А. Шунейко и О.В. Чибисова, рассматривая философию Волошина, несколько иначе видят общность между Волошиным и буддизмом. Они считают, что «поэт эстетически достоверно воплощает непрерывность форм мира и непредвзятость его амбивалентной сущности, отсутствие внешних границ, вечное обращение форм, объединенных в бесконечный ряд циклов – все это составляет основу мировоззрения буддизма». – См.: Шунейко, А.А., Чибисова, О.В. Поэтическое наследие Максимилиана Волошина и буддизм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №4 (32). – С. 161 (in English).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Т. В. Бернюкевич отмечает, что «в творчестве Волошина мы не найдем отчетливых буддийских реминисценций, нет в нем сюжетных линий, связанных с буддизмом»[41]. Несмотря на то, что поэт неоднократно упоминает буддизм, Будду, какие-то отдельные буддийские понятия, такие упоминания достаточно спорадичны, поэтому в целом мы согласимся с этим суждением. Тем не менее остается несомненным факт, что буддизм сыграл свою важную роль в ранний период его творческой деятельности, когда молодой Волошин интенсивно искал себя и пробовал разные учения «на вкус»; буддизм стал, пусть и на время, объектом размышлений и творческого воображения поэта, вдохновив его на дельнейшие духовные и поэтические поиски.

Интерпретация М. Волошиным дихотомии «Восток и Запад» и осмысление места России в ней

Буддизм, появившись в Индии в V–IV вв. до н. э., широко распространился по различным восточным странам, глубоко повлияв на самые разные стороны жизни азиатских народов. Культуры стран Южной, Средней, Центральной, Восточной Азии, отчасти Северной Азии оказались пропитаны буддийскими морально-нравственными нормами и религиозно-философскими категориями; эти культуры облекли свои исходные образы, легенды, ценности буддийской философией, а добуддийская обрядовая практика восточных регионов заметно трансформировалась под буддийским влиянием. Тот Восток, который так хорошо известен нам сейчас, особенно Дальний Восток, Южная Азия, Тибет, Монголия, никогда не смог появиться без мощного воздействия буддизма.

Вполне может быть, что интерес к Востоку в целом появился у Волошина достаточно рано, еще в детстве: его репетитор Н. В. Туркин читал ему лекции по буддизму, восточной философии, ориентируясь на модную в то время поэму Э. Арнольда «Свет Азии»[42], и воображение мальчика было захвачено глубокими познаниями восточных мудрецов, чудесными проявлениями духа, древними культурами восточных стран, прежде всего Индии.

В размышлениях Волошина о Востоке в его целокупности Индия фактически не присутствует, хотя все же подспудно ощущается как его неотъемлемая, интегральная часть. По всей видимости, начало таким размышлениям положило вынужденное пребывание поэта в Туркестане в связи с высылкой из Москвы в 1900 г. Поэт провел несколько месяцев «в пустыне с караваном верблюдов» в Средней Азии, что стало «решающим моментом» его духовной жизни: он почувствовал «Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры»[43]. Благодаря этому пребыванию на Востоке произошло преображение его «строя духа и мысли», приобщение его «самосознания мудрости востока»[44]. В письме Ю. Л. Оболенской 12 октября 1913 г. Волошин признается в чувстве «глубокой сыновности к Востоку», вспоминает,

[41] Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 81.

[42] Пинаев, С.И. Ориентализм в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2012. – № 4. – С. 29.

[43] Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 258.

[44] Там же. С. 212.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

какой в нем тогда, в 1900 г., произошел «переворот»: «Я читал письмо Вл. Соловьева о конце всемирной истории и телеграммы из Пекина <…> У подошвы Памира все это воспринималось иначе и цельнее, чем в Европе». И подобные мысли привели его учиться в Париж «дисциплине творчества»[45], став, по сути, реальным началом его духовно-творческой деятельности.

Волошин в целом поддерживает традиционное размежевание образов Востока и Запада как двух глобальных культурно-общественных миров. Хотя, с другой стороны, «поэтический Восток Волошина не только и не столько географическая или культурная реальность – это скорее один из этапов странствия человека по земным и надмирным путям»[46]. А в своей диссертации «Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина» литературовед Д. В. Шабашов утверждает, что «Восток у Волошина является эстетической категорией»[47]. Помимо этого, «образу Востока в поэзии Волошина присуща мистериальность и литургичность, Восток предстает как место мистического общения человека с космосом»[48]. Эти и иные суждения исследователей показывают многослойность, неоднозначность, в чем-то противоречивость отношения Волошина к Востоку.

Мы можем наблюдать в его творчестве несколько переплетающихся «ликов» Востока, которые в целом совпадают с различными аспектами распространенного образа Востока, сложившегося на Западе и в России в XVIII – XIX вв.

1. Восток – это мудрость и познание, глубинное понимание, высокая нравственность и сострадание, терпеливое перенесение мучений. Например, Волошин пишет в статье «Алексей Ремизов. “Посолонь”» (1907) про писателя А. Ремизова: «Он строго блюдет моральную заповедь Востока, которая требует улыбаться в моменты горя и не утруждать сострадание окружающих зрелищем своих страданий»[49].

2. Восток – это древняя, но живая культура, приобщение к которой позволит избежать тенденций упадка и разложения. Поэт говорит о необходимости обновления Европы благодаря Востоку. Поддерживая Японию в ее войне с Россией, Волошин пишет В. Брюсову из Парижа в феврале 1904 г.: «Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу? Общее ожидание всеразрушающего всеевропейского взрыва. Первые признаки смерча»[50]. В письме М. Сабашниковой от 16 сентября 1904 г., реагируя на политические события того времени, Волошин эмоционально заявляет, что Солнце «подымается с Востока». По его мнению, «Европа уже три столетия замкнулась в китайских стенах своей цивилизации», поэтому «теперь мудрый и познавший Восток скажет свое

[45] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41.

[46] Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 181.

[47] Шабашов, Д.В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина / Автореф. дисс.. соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2007. – С. 5.

[48] Там же. С. 9.

[49] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 55.

[50] Волошин, М.А. Письма 1903–1912 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 9. – М.: Эллис Лак, 2010. – С. 73.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

властное слово»[51]. Удивительная фраза! Распространенный в Европе негативный образ Китая как замкнутой, самодостаточной, но при этом внутренне омертвевшей структуры становится метафорой безнадежной, утратившей свою цельность и творческий подъем Европы. Восток статичный и застойный как бы перекочевывает на Запад и при этом вынужден уступить первенство другому Востоку – мудрому, знающему, культурному, дерзновенному. По сравнению с таким культурным Востоком Запад явно проигрывает. В конце 1900 г. юный Волошин, находившийся тогда в Средней Азии, искренне возмущался, когда фельдмаршал А. фон Вальдерзее призвал осквернить гробницы китайской династии Мин; Волошин считал это варварством европейцев[52]. Еще одно переворачивание стереотипов: традиционно для Запада именно Восток символизировал «варварство» по контрасту с западным «изяществом» и культурностью. Используя устоявшиеся ярлыки, Волошин разворачивает их против европоцентрических взглядов.

3. Восток – утраченная Западом родина, цельность бытия, «рай», по которому ностальгирует Запад, которому он пытается неумело подражать. Размышления о таком образе Востока заметны в статье «М. С. Сарьян», опубликованной в журнале «Аполлон» (№9, 1913). В ней Волошин пишет об ориентализме, бросая «взгляд на Восток со стороны, глазом постороннего наблюдателя»[53]. Ориентализм, подражательное западное искусство, выросшее из романтизма, начинается тогда, когда, по мнению Волошина, внутренняя, «растительная связь Запада и Востока порывается»[54]. Рвется «пуповина», соединявшая эти миры. Это симптом омертвения, у него «врожденное бессилие». На Востоке же – «полное слияние искусства и жизни», «размеренность жизни, построенной на гармониях чувственности»[55]. Именно на Востоке «формы человеческой жизни сохранили свою индивидуальность» (статья «Русская кустарная выставка в Париже», 1904)[56]. Ориенталисты поверхностны, они видят в Востоке «только подведенные глаза и нарумяненные губы»[57]. Они кокетничают и заигрывают с Востоком, но не понимают его глубины. Применительно к проблеме ориентализма Д. Кольцова отмечает, что «во многих отношениях интерес к Востоку был преимущественно не более чем модой на экзотический, романтизированный эстетический идеал “рая на земле” и не имел никакого отношения к реальности»[58].

4. Восток – это опасный и грозный судья, карающий за предательство, преступность, духовный застой (стихотворение «Мир», 1917)[59].

[51] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 66.

[52] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 300–301.

[53] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 149.

[54] Там же. С. 149.

[55] Там же. С. 152.

[56] Там же. С. 439.

[57] Там же. С. 505. Статья «Салон ориенталистов» (1905).

[58] Koltsova, D. Maximilian Voloshin’s Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 317.

[59] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Куп-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

5. Восток – это сон, греза, нечто созерцательное, туманное, неопределенное; Волошин наблюдает за некоторыми прохожими в Риме летом 1900 г. и подмечает у одного из них: «На этом почти детском лице и могучем теле лежала какая-то сонная восточная греза, прекрасная и неопределенная»[60]. В этом значении Восток очень напоминает представление Волошина о майе.

Какое место занимает Россия между этими двумя мирами? Следует отметить, что Волошин начинает интенсивно размышлять об истории и судьбе родной страны в годы Первой мировой войны и особенно после Февральской революции[61], становится историософом. С этого периода он часто обращается к российской теме, много думает, медитирует и молится о России. Как отмечает Е. С. Мельников, «поэтом овладело желание во что бы то ни стало постичь судьбу своей родины, выявить пути ее истории как в прошлом, так и в будущем»[62]. Нередко эти его размышления происходят в контексте дихотомии «Восток – Запад». В каком-то смысле им способствовали и географические обстоятельства: Волошин немалую часть жизни прожил в Крыму, в Коктебеле, и ему весьма импонировал тот факт, что этот населенный пункт «лежит на скрещивании морских дорог с древним караванным путем на Индию»[63]. Как отмечает И. С. Смирнов, «Коктебель, легендарная Киммерия, “личный космос” Волошина, который представлялся ему плавильным котлом, тиглем, ареной “борьбы племен”, был для поэта если и не Востоком в полном смысле слова, то и не Западом – скорее рубежом, местом встречи, битвы восточных и западных народов, местом слияния их культур, может быть, даже прообразом культуры всечеловеческой»[64]. Коктебель располагается на своеобразном «перекрестке» соединения различных культур, замечает также турецкий исследователь С. Илика[65]. Вокруг восточной части Крыма, древней Киммерии, Волошин создал целый «географический миф», который «был продолжением опыта конфигурации реального и воображаемого пространства в категориях Запада и Востока»[66].

Волошин постоянно подчеркивает срединный, балансирующий характер России, размещенной между Востоком и Западом. Россия – это «весы с неравными чашками»[67], некий мост

ченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 259.

[60] Там же. – С. 82.

[61] «В период между 1914 и 1917 годами поэтический голос Волошина начал претерпевать радикальные изменения, до такой степени, что в 1918 г. его старые читатели увидели в нем нового поэта. Он переключился с французских, эллинистических и теософских тем на русскую историю, национальную мифологию и еврейских пророков». – Landa, M.S. Maximilian Voloshin’s Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 50.

[62] Мельников, Е.С. Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 228.

[63] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 67.

[64] Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 179.

[65] Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1842.

[66] Грякалова, Н.Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Русская литература. – 2004. – №3. – С. 37.

[67] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко],

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

и посредник, «сопряженье» Востока и Запада. В стихотворении «Благословение» (1923), написанном от лица Бога, он утверждает, что Россия-Русь является «стражем Запада и Востока»[68]. России приходится очень нелегко, на ее долю постоянно выпадают разные испытания. Россия, полагает он в 1905 г. – поле всемирной борьбы, и чтобы помочь ей, «надо знать ее карму и мировую карму»[69]. С этой целью Волошин даже пытается дистанционно установить мистическую связь с некоторыми важными политическими деятелями России (Ю. Треповым), посылая «силу спокойствия и радости»[70]. Правда, такое срединное положение России он воспринимал не всегда. Поначалу у него были и иные мнения. Так, в письме А. М. Пешковскому от 15 декабря 1902 г. он сообщает: «Россия была для меня тезой, Париж антитезой, а Восток будет окончательным синтезом моих взглядов»[71]. Впрочем, это высказывание следует помещать в контекст его тогдашних намерений посетить Восток, и Россия здесь выступает как стартовая точка становления; в других же его размышлениях она смещается в сторону «синтеза» Востока и Запада.

Волошин пишет о России как о живом существе, как о «ребенке», «родителями» которого выступают Восток и Запад. В стихотворении «Европа» (1918) Русь как «третий Рим» воспринимается как дитя, «зачатое в пламени и гневе», дитя Византии и ислама[72]; в письме Ю. Оболенской (1913) он роняет, что Азия – это мать (по контексту явствует, что Запад – отец), но «кто не оставит отца своего, мать свою» (Мф. 19:29)[73]. Россия, это «дитя» Востока и Запада, оставляет своих «родителей» ради собственной нелегкой, многострадальной судьбы, с тем чтобы (если продолжить цитату из Матфея), наследовать «жизнь вечную». При этом у России есть преимущество, естественное для ее географического положения: Россия привносит «огонь и божественную душу Востока» в «тоску западных сумерек»[74], тем самым выступая транслятором духовных и культурных ценностей Востока для западной культуры.

Но Восток, как показывает история, может быть и крайне опасен для России. Восток в ходе прошедших столетий неоднократно угрожал самому существованию России, нападал на

А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41.

[68] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 291.

[69] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 666.

[70] Там же. С. 666.

[71] Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – С. 766.

[72] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 267.

[73] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41. Более точная цитата из Матфея: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

[74] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 449. Статья «Достоевский во Франции», со ссылкой на Андре Сюареса.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

нее. В неопубликованной статье «Демократизация искусства» (1917) поэт отмечает, что «Россия знала политическую опасность всегда с Востока и никогда с запада»[75], и она защищалась от этой опасности, внося в восточные земли упорядоченность, завоевывая Восток. Речь, конечно, идет о монголах и мусульманских царствах. Волошин испытал воздействие идеи В. С. Соловьева об угрозе «панмонголизма». При этом, противореча сказанному им же об отсутствии «политической опасности с запада», Волошин заявляет, что Россия сама является зоной распространения германского племени на восток[76].

Апокалиптические «соловьевские» интонации просыпаются в нем с новой силой с 1917 г. В лекции «Россия распятая» Волошин озабочен «монгольской» угрозой, что требует новой «имперской спайки племен, населяющих великую русскую равнину и Сибирь»[77], и при этом предполагает, что монархия останется в России, даже впитав социалистическую революцию; он верит, что в стране будет некий симбиоз монархии и социализма. Довольно смелое и очень утопичное предположение, тем более с учетом того, что это мнение прозвучало уже после Октябрьской революции, в 1920 г.

Саму Октябрьскую революцию и то, что с ней было связано, Волошин воспринял очень эмоционально, болезненно; в канун брестских переговоров он написал горькое, желчное стихотворение о России, которую «мы прогалдели, пропили, проплевали, замызгали», и в сердцах призывает на нее «германцев с Запада, монгол с Востока»; даже с каким-то злорадным ожесточением просит Бога отдать Россию «в рабство вновь и навсегда» ради искупления грехов[78]. Очевидно, что такое горестное восклицание вряд ли стал бы издавать человек, который никак не заинтересован в судьбе своей страны и равнодушен к ней. Критикуя российский народ за развернувшуюся катастрофу, Волошин на самом деле искренне желает лучшей доли для него, и здесь ему на помощь также может прийти Восток – но уже не «деструктивно-монгольский», а скорее «конструктивно-индийский», который своей мудростью и величием подскажет способ выхода из страданий в мир свободы и радости.

Заключение

Как указывалось в заключении к предыдущей статье, в произведениях Волошина «цельный образ Индии рассыпается на множество элементов, не всегда связанных друг с другом»[79]. Тем не менее различные понятия, мифологемы, метафоры, образы индийского происхождения, индийские легенды и предания органично вплетены в ткань его художественного творчества, в каком-то смысле даже стали частью его образа жизни. Он с легкостью говорит о дхарме, карме, нирване и др., порой переиначивая их на свой лад, делая их для себя родными, узнаваемыми, наводя мосты между Востоком и Западом и выступая посредником между ними.

[75] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 350.

[76] Там же. С. 350.

[77] Там же. С. 499.

[78] Там же. С. 465.

[79] Пахомов, С. В. «Это очень интересно»: рецепция и интерпретация индийской культуры в творчестве Максимилиана Волошина // Международный журнал исследований культуры. – 2025. – № 1 (58). – С. 112–131. DOI: 10.52173/2079-1100_2025_1_112.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Так, Волошин часто и с разных сторон обращается к понятию майи, которое играет разными красками в его поэтическом воображении. Например, майя ассоциируется с материей-тьмой, в которой распята «мировая душа», и он говорит о «пути эроса», который состоит в духовном восхождении из мрака майи-материи. Майя – мощная сила, опутывающая человека, и ее необходимо преодолевать через пробуждение, просветление, работу над собой. Ее можно преодолеть также обращением в прошлое, отказом от логических спекуляций, наконец, выстраиванием теплых, глубинных отношений с любимым человеком.

Понятие майи используется и в буддийской философии; сам Волошин интересовался буддизмом, более того, он сам считал, что именно с буддизма в столице Франции начался путь его духовных исканий. В Париже он познакомился и беседовал с выдающимся бурятским буддистом Агваном Доржиевым, посланцем Далай-ламы. Из этого разговора Волошин вынес убеждение, что буддизм является учением, которое принципиально никому не навязывает своих идей, более того, такая пропаганда считается в нем преступлением. Поэту импонирует ненасильственный дух буддизма. Несколько вольная трактовка буддизма нужна Волошину для оправдания своего специфического отношения к христианству: там ему не хватало той глубины и тайны, которые он находил в учении Будды. Поэт творчески интерпретирует понятие нирваны, видя в ней то рай, то «напряжение воли», то слияние с миром, то нечто индивидуальное. Общаясь в Женеве с Вячеславом Ивановым, Волошин показывает себя и как «буддист», и как «небуддист»: в первом случае, как «буддист», он не желает заниматься «покорением природы», т. е. вносить ненужные изменения в сложившийся гармоничный порядок вещей, а во втором – видит в жизни прежде всего радость: он даже само страдание как таковое воспринимает в этом свете.

Поэта редко интересует «Индия как таковая»: для него, как и для многих других мастеров пера и кисти, это прежде всего своеобразное зеркало, глядясь в которое, западная культура, российская культура могут узнать нечто очень важное о самих себе, получить какие-то творческие толчки, измениться, преобразиться. Когда Волошин говорит о «Востоке» в целом, Индия часто присутствует где-то рядом, особенно если речь идет о древней мудрости, праведности, высокой нравственности и сострадательности, а также при упоминании неких творческих «токов», богатейшем источнике жизненной и духовной силы, из которого Запад и Россия могут с успехом черпать свое вдохновение. В таком идеализированном восприятии Индии, конечно, сказываются романтическо-теософские настроения поэта. Впрочем, Восток в глазах Волошина может выглядеть и как грозный, карающий судья, несущий опасность и смерть народам, забывшим свой истинный путь, отринувшим свою исконную природу. В годы революции, гражданской войны поэт грустно рассуждает о драматичной судьбе России, и с тревогой прозревает – и даже призывает – нашествие «монголов», как это случалось столетия назад. Россию он воспринимает как хрупкое равновесие между двумя «глыбами», Западом и Востоком, она сопрягает эти миры, охраняет их как «страж», в то же время будучи их общим «ребенком». Используя индийские понятия (например, карму), поэт рассуждает о прошлом и грядущем родной страны и пытается занять определенную позицию в непростой, бурной меняющейся социально-политической обстановке послереволюционной России.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Список литературы

Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – 608 с.

Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1906–1924 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с.

Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – 832 с.

Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – 1088 с.

Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999. – 560 с.

Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – 74 p.

Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – 736 с.

Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – 544 с.

Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – 928 с.

Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – 768 с.

Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 77–85.

Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – 832 с.

Волошин, М.А. Лики творчества, книга 1. О Репине. Суриков // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 3. – М.: Эллис Лак, 2005. – 608 с.

Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – 896 с.

Алексеев-Апраксин, А.М. Перспективы сетевой парадигмы в изучении транскультурных процессов // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – Выпуск #4 (33). – С. 6–19.

Шунейко, А.А., Чибисова, О.В. Поэтическое наследие Максимилиана Волошина и буддизм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №4 (32). – С. 156–163.

Пинаев, С.И. Ориентализм в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2012. – №4. – С. 36–43.

Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 170–188.

Шабашов, Д.В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина / Автореф. дисс.. соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2007. – 18 с.

Волошин, М.А. Письма 1903–1912 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 9. – М.: Эллис Лак, 2010. – 784 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Koltsova, D. Maximilian Voloshin's Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 316–324.

Landa, M.S. Maximilian Voloshin's Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 273 p.

Мельников, Е.С. Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // Вестник РУДН. – Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 228–236.

Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1840–1848.

Грякалова, Н.Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Русская литература. – 2004. – №3. – С. 29–39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Sergey V. PAKHOMOV

| Interpretations of the Idea of "Maya", Buddhism and the "East-West" Dichotomy in the Works of Maximilian Voloshin |

Sergey V. PAKHOMOV

Herzen State Pedagogical University of Russia
ul. Malaya Posadskaya 26, Saint Petersburg, Russian Federation 197046
Associate Professor, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy
PhD (in Philosophy), Associate Professor
ORCID 0000-0001-5263-2526
E-mail: sarpa68@mail.ru

INTERPRETATIONS OF THE IDEA OF "MAYA", BUDDHISM AND THE "EAST-WEST" DICHOTOMY IN THE WORKS OF MAXIMILIAN VOLOSHIN*

This article is a continuation of the article published in the previous issue of the "International Journal of Cultural Studies". It develops the theme of the poet Maximilian Voloshin's reception of the idea of maya, Buddhism, nirvana, relations between East and West, as well as Russia's place in these relations. In his idea of Maya, the poet weaves ideas from various cultural and religious traditions into a complex flow of associations. In the poem "Gnostic Hymn to the Virgin Mary" (1907), India becomes part of the mystical poetic space. Maya is understood by him as a "dream of the Divine", as a dark world of matter, the overcoming of which is its enlightenment. The theme of maya also has a personal character for Voloshin: the poet plays with the idea of Maya in connection with the name of his girlfriend, Maya Cuvillier. The poet offers various ways to overcome maya or to humble oneself before its power. Another section of the article analyzes the poet's attitude to Buddhism. Voloshin was acquainted with the Tibetan ambassador Agvan Dorzhiev and planned to go to Siberia to get acquainted with Buryat Buddhism. In Buddhism, the poet is impressed by the pathos of contemplation, non-violence, compassion, and the rejection of missionary work. Voloshin understands nirvana as paradise, "tension of will", and also as "merging with the world". The next section of the article considers the theme of the "East and West". The poet's interest in the East arose in childhood. Subsequently, several interconnected aspects of understanding the East developed in his work: 1) wisdom, knowledge, morality, compassion; 2) ancient and living culture; 3) homeland lost by the West, "paradise"; 4) dangerous and formidable judge; 5) sleep, dream, something contemplative. Russia occupies a middle, balancing position between the West and the East, a "guard" between them, as well as their "child". The East can be dangerous for Russia ("Mongols"), but at the same time constructive for its future.

Keywords: Voloshin, India, East, West, Russia, maya, matter, Buddhism, Buddha, nirvana.

The study was supported by grant No. № 23-28-01093, from the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/23-28-01093/

References

Voloshin, M.A. (2003). Stihotvoreniya i poemy. 1899–1926 [Verses and Poems. 1899–1926]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. V.P. Kupchenko, A.V. Lavrova. 1. M.: Ellis Lak, 608 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2015). Perepiska s Margaritoj Sabashnikovoj 1906–1924 [Correspondence with Margarita Sabashnikova 1906–1924]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 11, 2. M.: Ellis Lak, 784 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2011). Pisma 1913–1917 [Letters 1913–1917]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 10. M.: Ellis Lak, 832 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2008). Proza 1900–1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany [Prose 1900–1927. Essays, articles, lectures, reviews, sketches, plans]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 6, 2. M.: Ellis Lak, 1088 (in Russian).

Rigveda. Mandaly IX–X. (1999). [Rigveda. Mandalas IX–X]. Izd. podgotovila T.Ya. Elizarenkova. M.: Nauka, 560 (in Russian).

Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – 74 p.

Voloshin, M.A. (2013). Perepiska s Margaritoj Sabashnikovoj 1903–1905 [Correspondence with Margarita Sabashnikova 1903–1905]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 11, 1. M.: Ellis Lak, 736 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2006). Zhurnal puteshestviya. Dnevnik 1901–1903. Istoriya moej dushi [Travel Journal. Diary 1901–1903. The Story of My Soul]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 7, 1. M.: Ellis Lak, 544 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2007). Liki tvorchestva, kniga 2. Iskusstvo i iskus. Liki tvorchestva, kniga 3. Teatr i snovidenie. Proza 1900–1906. Ocherki, stati, recenzii [Faces of Creativity. Book 2. Art and Temptation. Faces of Creativity. Book 3. Theatre and Dreams. Prose 1900–1906. Essays, Articles, Reviews]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 5. M.: Ellis Lak, 928 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2008) Dnevniki 1891–1932. Avtobiografii. Ankety. Vospominaniya [Diaries 1891–1932. Autobiographies. Questionnaires. Memories]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 7, 2. M.: Ellis Lak, 768 (in Russian).

Bernyukevich, T.V. (2015). Buddizm v sud'be i tvorchestve M. Voloshina: «moya pervaya religioznaya stupen'» [Buddhism in M. Voloshin's Life and Work: «My First Religious Grade»]. Uchenye zapiski ZabGU. Kulturologiya, 4(63), 77–85 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2009). Pisma 1893–1902 [Letters 1893–1902]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 8. M.: Ellis Lak, 832 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2005). Liki tvorchestva, kniga 1. O Repine. Surikov [The Faces of Creativity. Book 1. About Repin, Surikov]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 3. M.: Ellis Lak, 608 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2007). Proza 1906–1916. Ocherki, stat'i, retsenzii [Prose 1906–1916. Essays, articles, reviews]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 6, 1. M.: Ellis Lak, 896 (in Russian).

Alekseev-Apraksin, A.M. (2018). Perspektivy setevoj paradigmy v izuchenii transkulturnyh protsessov [Perspectives of the Network Paradigm in the Study of Transcultural Processes]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury, 4 (33), 6–19 (in Russian).

Shunejko, A.A., Chibisova, O.V. (2018). Poeticheskoe nasledie Maksimiliana Voloshina i buddizm [The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 4 (32), 156–163.

Pinaev, S.I. (2012). Orientalizm v tvorchestve M. A. Voloshina [Orientalism in M. Voloshin's Creative Work]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika", 4, 36–43 (in Russian).

Smirnov, I.S. (1985). «Vsyo videt', vsyo ponyat'…» (Zapad i Vostok Maksimiliana Voloshina) ["To see everything, to understand everything…" (West and East by Maximilian Voloshin)]. Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii. 2. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 170–188 (in Russian).

Shabashov, D.V. (2007). Obraz Vostoka v tvorchestve Maksimiliana Voloshina [The Image of the East in the

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Sergey V. PAKHOMOV

| Interpretations of the Idea of "Maya", Buddhism and the "East-West" Dichotomy in the Works of Maximilian Voloshin |

Works of Maximilian Voloshin]. Avtoref. diss. soisk. uch. step. kand. filol. nauk. M., 18 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2010). Pisma 1903–1912 [Letters 1903–1912]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 9. M.: Ellis Lak, 784 (in Russian).

Koltsova, D. Maximilian Voloshin's Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 316–324.

Landa, M.S. Maximilian Voloshin's Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 273 p.

Melnikov, E.S. (2017) Istoriosofskie motivy v tvorchestve M.A. Voloshina [The Historiosophycal Attitudes in the Works of M.A. Voloshin]. Vestnik RUDN. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika", 22, 2, 228–236 (in Russian).

Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1840–1848.

Gryakalova, N.Yu. (2004). Vojna na Vostoke i krizis evropejskih tsennostej (evro-aziatskij marshrut Maksimiliana Voloshina) [War in the East and the Crisis of European Values (Maximilian Voloshin's Euro-Asian Route)]. Russkaya literature, 3, 29–39 (in Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.